

РЕПРЕССИИ ПРОТИВ ПАРТИЙНОГО РУКОВОДСТВА ДОНЕЦКОЙ ОБЛАСТИ В 1937–1938 ГГ.

Большой террор 1937-1938 гг. был результатом утверждения в СССР тоталитарного режима, одной из черт которого было слияние руководства ВКП(б) и государственной власти, создание политической структуры, фундаментом которой была огосударственная партия. Ее безраздельное господство характеризовалась идеологизацией, жесткой полувоенной структурой, полным подчинением рядовых членов руководству, что привело к формированию разветвленной иерархии партийной номенклатуры, на вершине которой стоял вождь – И. Сталин. Во времена сталинской диктатуры репрессии были крайне необходимы правящей партии и государству как рычаги господства над советским народом. Но порожденный большевистским руководством кровавый террор затронул все слои советского общества, как социально-чуждые (кулаки, церковники, бывшие помещики, белогвардейцы) так и ее опору (рабочих и крестьян), а также ударил по партийной и военной элите. Политика репрессий превратила часть партийных функционеров на палачей тоталитарной системы, а другая часть пала жертвой репрессивной машины.

Политические процессы против украинской элиты были начаты еще в 1920-е годы. Они успешно проводились и в следующем десятилетии, а кульминация приходится на 1937-1938 гг. – период так называемой “великой чистки”, когда жертвами их стали, в том числе и представители партийного и советского руководства [1-6].

Репрессии, направленные против областного партийного руководства, в частности первых секретарей Донецкого обкома КП(б)У Саркисова, Прамнэка, которые проводились в годы Большого террора, к сожалению, не получили в исследованиях должного отображения, что и актуализирует обращение автора к данной тематике.

Проведение первого показательного процесса в Донецкой области против руководителя треста “Буденовуголь” С.П. Володарского, получившего название “Буденовского”, рассмотрено в публикациях А.Н. Бута, О.О. Бут и П.В. Доброва [7; 8; 9]. Репрессии, направленные против директоров крупнейших промышленных предприятий т.н. “командиров производства” в Донбассе исследует в своих работах З.Г. Лихолобова [10, с.365-382]. Статистические обобщения документального материала по открытым по-

литическим процессам, проходившим в Украине с июня 1937 г. по январь 1938 г., сделаны в монографии В.Н. Никольского [11].

Цель статьи – изучение репрессий против партийной элиты Донецкой области в годы сталинских репрессий с привлечением нового архиваного материала.

Изучение архивно-следственных дел из Архива временного хранения документов Управления Службы безопасности Украины в Донецкой области и Государственного архива СБУ (Киев), позволило выявить интересные материалы, которые свидетельствуют, что в 1937 г. НКВД УССР готовил, по образцу московских процессов, свой масштабный украинский.

В фондах Архива временного хранения документов Управления СБУ в Донецкой области нами были обнаружены многочисленные дела, объединенные по одному признаку – обложка сделана печатным способом и имела следующую надпись: “Следственное дело № 123 “Антисоветской право-троцкистской организации в Украине”.

По версии следствия, эта организация была создана в конце 1920-х – в начале 1930-х гг., а в 1934-1936 гг. она возобновила свою активную деятельность. Она имела своих членов в Киеве, Харькове, Днепропетровске и Донбассе. Киевский филиал объединял работников ЦК КП(б)У (Киллерог М.М.), Наркомюста (Михайлик М.В.), ВУРПС (Лившиц Б.), ВУАМЛИНа (Наумов, Левин, Винокур), Совнаркома УССР (Коцюбинский, Ахматов, Наумов, Кремер и др.), Госплана, высших учебных заведений. В Донбассе организация якобы включала первого секретаря обкома партии С.А. Саркисова, секретаря обкома Вайнова, заведующего культпропотделом С.Я. Сергеева, заведующего угольным отделом С.Я. Шаева, председателя Донецкого облисполкома М.Г. Иванова, его заместителя В.Я. Конотопа, секретаря Донецкого облисполкома Ф.И. Вайсберга, председателя Старобельского окрисполкома Лесниченко, уполномоченного Комитета заготовок Архангельского, начальника Облзу И.В. Диюка, директора объединения “Кокс” П.Б. Логинова, руководителя треста “Дзержинскуголь” Антонцева, руководителя треста “Донбасантрацит” Зубкова, руководителя Брянского рудоуправления Попова, инженера Олешко, старых специалистов Балабанова, Ф.А. Новаша, К.Б. Вербицкого, Т.Н. Вольпа, М.К. Сенцова, А.Ф. Гольца, Г.П. Олексина, А.К. Лохмачова, Агунова, Собачинского, Кудрявцева, Беляева, Таманова, Попова и многих других [12].

Харьковская группа, по версии следствия, включала бывшего заведующего культпропотделом обкома партии Гуревича, секретаря-

рей райкомов партии Василькова и Фрида. В Красной армии, по версии следователей, существовала группа троцкиста Туровского [13, л.170].

Началось дело еще до “великой чистки” – в августе-сентябре 1936 г. – когда были арестованы заведующий отделом культуры и пропаганды Донецкого обкома КП(б)У С.Я. Сергеев и заведующий угольным отделом С.Я. Шаев, директор объединения “Кокс” П.Б. Логинов, секретарь облисполкома Ф.И. Вайсберг и некоторые другие. Сначала следствие по делам вела по отдельности, исходя лишь из троцкистского прошлого “фигурантов”. Со временем, начали выявлять так называемые “связи”. Из последних “вырисовывались” схемы, к которым стали приобщать новые цепочки. Так, в деле С. Сергеева говорится: “В своих показаниях он назвал некоторых лиц, которых ранее уже разоблачили как троцкистов, но он не назвал их как таких, что принадлежали к троцкистской организации, узнал о них из официальных источников во время обсуждения на бюро обкома партии” [13, л.247].

Члены организации, якобы, “срывали выполнение планов добычи угля”, были “злостно и враждебно настроены к Советской власти”. Они втягивали в организацию все новых лиц. “На одной из встреч с заведующим отделом обкома партии Шаевым Логинов дал установку организации на уничтожение Сталина и близких его соратников и предложил организовать в Донбассе на предприятиях ячейки...” [13, л.246-251].

Как правило, “фигурантов” этого дела арестовывали по месту жительства, а потом отправляли для проведения следствия в Киев. После ареста 7 июля 1937 г. бывшего первого секретаря Донецкого обкома партии С.А. Саркисова, переведенного в мае 1937 г. на должность руководителя комбината “Донбассуголь”, дело начало набирать новые обороты. Но, что-то не сложилось у организаторов громкого процесса, и дело “развалилось” на отдельные (видимо, не поступило “добро” от главного режиссера из Москвы). Однако это не повлияло на дальнейшие судьбы обвиненных – почти все они были осуждены Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР, Особым совещанием НКВД, военными трибуналами, “тройками” и двойками – к расстрелу.

Представляется интересным рассмотреть дело одного из важнейших “обвиняемых” данного процесса – первого секретаря Донецкого обкома КП(б)У Саркисова.

Саркисов (Даниелян) Саркис Артемович, родился 14 февраля 1898 г. в г. Шуша, Нагорный Карабах, Азербайджанской АССР. Армянин по национальности, он имел среднее образование (окончил

Шушинскую армянскую семинарию и учился в армянской академии). С 1917 г. стал членом ВКП(б). Как и все “фигуранты” украинского процесса, Саркисов имел троцкистское прошлое. В 1921 г. он поддержал Троцкого в борьбе против Ленина. Будучи в этот период секретарем Бакинского комитета партии, Саркисов возглавил там троцкистскую оппозицию. Затем в 1923-1924 г. он поддерживал в дискуссии с Троцким Зиновьева. После объединения Зиновьева с Троцким на 14 съезде партии в 1925 г., Саркисов примкнул к ним, и в начале 1927 г. он стал участником троцкистско-зиновьевской организации, созданной для борьбы со Сталиным. Интересной особенностью было то, что Саркисов имел в Баку собственную типографию и подпольно печатал листовки против Сталина. После разгрома объединенной оппозиции на 15 съезде партии, Зиновьев и Каменев предложили всем участникам организации подать “двурушнические” заявления. По словам Зиновьева, “нужно было вползать на брюхе в партию любой ценой”.

В 1927 г. Саркисов за свою оппозиционную деятельность был сослан в Минусинск, где пробыл недолго. По его собственному признанию, во время пребываниясылке он начал отходить от троцкистско-зиновьевской оппозиции и в мае 1928 г. заявил “о своем полном разоружении”. В 1928 г. Саркисов был восстановлен в ВКП(б) и в этом же году Саркисову разрешили вернуться из ссылки в Воронеж, где он работал в облпотребсоюзе. В 1929 г. Саркисов вновь встретился с Зиновьевым, и обязался исполнить его “директиву вести работу против коллективизации”. Видимо, Саркисов на местном уровне зарекомендовал себя способным проводником политики раскулачивания, и уже в начале 1930 г. пошел на повышение. По решению ЦК ВКП(б) он переезжает в Москву, где назначается заместителем председателя хлебоцентра. А в сентябре 1932 г. Саркисова направили для проведения хлебозаготовок в Донбасс, назначив секретарем Донецкого обкома по снабжению. Его способности по изъятию хлеба у населения и организации голодомора в Донецкой области не укрылись от всевидящего ока руководства и уже через год, 17 сентября 1933 г. он приступил к исполнению обязанностей первого секретаря Донецкого обкома партии [14, л.29-52].

Мог ли бывший семинарист Саркисов, который впервые увидел шахту в Донбассе и не имел никакого представления о технологии ее работы, понять ситуацию в угольной промышленности? Безусловно нет. Но он был поставлен руководить и методы для достижения поставленной партией цели ему были хорошо известны: репрессии и еще раз репрессии. Председатель областного исполкома М.Г. Иванов утверждал, что непосредственно Саркисовым

были выявлены десятки “фактов” саботажа и вредительства на промышленных предприятиях Донбасса. Об этом же свидетельствуют показания самого Саркисова: “Я как секретарь обкома насаждал в рядах партийной, профсоюзной и комсомольской организации настроения, что чуть ли не все командиры производства саботажники, и их нужно травить, бить. За 1936 г. 1200 специалистов был привлечен к судебной ответственности. На ряде шахт (например 17/17 Сталинугля) начальники менялись 5-10 раз в течении года, а то и ежемесячно” [14, л.73].

Лишь за 1936 год на 231 шахте было заменено 162 заведующих шахтами. Из 1121 начальника участка уволено с работы 1034, из 8334 подземных десятников заменено 4013. Только по тресту “Донбасантрацит” на всех 14 шахтах были уволены директора, 13 главных инженеров [15, л.6-7].

В 1935-1936 годах была проведена очередная чистка партии с одновременным обменом партийных документов. Если в результате чистки 1933 г. из партии было исключено 19,7 % состава Донецкой областной парторганизации [16, л.28], то с мая 1936 по май 1937 г. партийная организация уменьшилась еще на 14374 человека (15 %) [17, л.110]. И они, как правило, стали первыми кандидатами на аресты в 1937-1938 гг. Уже в 1936 г. среди репрессированных органами НКВД было 300 человек, ранее исключенных из партии [18, л.10].

За время руководства областью Саркисовым были проведены репрессии в Мариуполе (металлургические заводы им. “Ильича”, “Азовсталь”), Макеевке (завод им.Кирова), Краматорске (машиностроительный завод), Горловке, Константиновке (цинковый завод), Амвросиевке (цементный комбинат), трестах Чистяковуголь, Пыстышевуголь, Кадиевуголь, Сталинуголь, Артемуголь, Снежнянантрацит, Донбассантрацит и других шахтоуправлениях области, на предприятиях химической промышленности, объектах железнодорожного транспорта (станции Ясиноватая, Красный Лиман). Практически в Донбассе не было ни единого предприятия, где бы работники НКВД не проводили арестов [19, л.14]. В 1934 г. было привлечено к уголовной ответственности 767 человек, в 1935 г. – 1224, в 1936 г. – 1062, в 1 квартале 1937 г. – 433 человека. Среди них более 50 % составляли инженерно-технические работники [17, л.67-68,76]. Такой политикой в сознание населения закладывалось подозрительность и недоверие к ближайшему окружению. В стране была создана соответствующая атмосфера настороженности, постоянного ожидания вражеских проявлений и поиска виновников-врагов, а

коммунисты с энтузиазмом занимались доносами, способствуя их разоблачению.

Проведение индустриализации в Донбассе требовало не только огромных инвестиций, но и рабочих, специалистов. Какой была политика властей по отношению к простым советским труженникам, ударникам производства наглядно иллюстрирует стахановское движение. В ночь с 30 на 31 августа 1935 года на шахте “Центральная-Ирмино” Луганской области молодой забойщик А. Стаханов вместе с крепильщиками Г. Борисенко и Т. Щегловым нарубили 102 тонны угля, перевыполнив сменную норму в 14,5 раз. Это было достигнуто благодаря новым технологиям добычи топлива, организации труда и управления всем производственным процессом от забоя до подъема угля на-гора. Производительность труда благодаря использованию инноваций выросла в 4,8 раза [20, с.58].

Этот рекорд возродил мощное новаторское движение, названное по имени основателя стахановским, а вот придал ему всесоюзного масштаба первый секретарь Донецкого обкома С.А. Саркисов. Именно благодаря его усилиям, постоянно подчеркивался новаторский метод труда А. Стаханова [21, л.32]. Саркисов создал из одного рекорда настоящую пиар-кампанию. О Стаханове писали как центральные (газета “Правда” и другие), так и местные газеты. Так, 11 сентября начальник участка инженер М. Машуров на страницах областной газеты “Социалистический Донбасс” пишет о стахановском рекорде как начале движения новаторов производства [22]. В газете “Правда” рекорд Стаханова квалифицировался уже как все-союзное достижение и все 85 тыс. шахтеров Донбасса призывались к соревнованию “от движения стахановских участков к соревнованию стахановских шахт” [23]. После этого достижения руководители всех уровней, начиная с первого секретаря Донецкого обкома Саркисова, стали требовать от рядовых работников такой же высокой производительности труда. 7 сентября бюро Донецкого обкома партии во главе с Саркисовым поддержало и признало рекорд [24, л.81], а пленум рекомендовал распространять такие методы работы в других отраслях промышленности, что было равносильно приказу.

Последствием стахановского рекорда стала директива ЦК ВКП(б) от 1936 г., согласно которой нормы добычи угля шахтерами были увеличены на 25 %. Но Саркисову этого показалось мало, по его указанию нормы были вздуты против прежних не на 25 %, а на 50-60 % и даже на 100 %. В результате, увеличилась текучесть рабочих с шахты на шахту, где нормы были ниже, стахановцы стали терять свой приработок. Это вызвало недовольство в рабочей сре-

де, разговоры, что стахановское движение сокращает заработок, даже при достижении высокой производительности труда [14, л.72]. Резкое необоснованное увеличение норм приводило к срыву планов угледобычи, авариям, человеческим жертвам. Причин аварий было множество. Это и недостаточная квалификация технического руководства и рабочих. Частичное финансирование необходимых работ в условиях жесткого планирования. Распространены были случаи неукomплектованности шахт необходимым станочным оборудованием, нехватки электроэнергии, что приводило к остановке работы двигателей; плохое качество огнеупоров приводило к разрушению фундаментов, стен мартеновских печей. В протоколе допроса руководителя треста “Дзержинскуголь” Антонова зафиксировано, что еще в ноябре 1936 г. он в разговоре с одним из заведующих шахт говорил: “Саркисов допустил перегиб, поставив правильно одну сторону вопроса – развитие стахановского движения, но технической базы под это движение не было подведено и из-за этого произошел провал” [25, л.88]. По иронии судьбы самого Саркисова, который стоял у истоков стахановского движения, обвинили в его саботаже. Так, на допросе от 19 июля 1937 г. он свидетельствовал о том, что “из 10 млн. рублей ассигнованных на механизацию поверхности шахт в 1937 г. использовали за полгода только 1,5-2 млн. рублей”. В том числе и по вине Саркисова, происходили массовые нарушения условий техники безопасности, в результате чего шахты Донбасса ежемесячно теряли 400-500 тыс. тонн угля из-за аварий. Одной из крупных аварий был взрыв и пожар на шахте 1-бис Криворожье, где погибло 7 человек, ранено 18; на ряде других шахт также погибло несколько человек [14, л.77]. Но признать свою вину областные власти естественно не могли, проще было свалить аварии на мифических врагов, троцкистов, диверсантов, за которые несли ответственность простые советские граждане. Могли ли предвидеть последствия своих рекордов Стаханов, Кривонос, Мазай? Понятно, что не могли. Ими руководило желание больше сделать, лучше работать.

На словах, прославляя труд стахановцев, Саркисов и его окружение выискивали всевозможные средства, чтобы сэкономить на оплате труда героям производства: “Мной и Бажановым [заместитель начальника “Донбассугля” – прим. автора] была разработана система прогрессивной оплаты труда ИТР. По этой системе допускались такие штрафы, в результате которых специалисты могли заработать только 80 % своего оклада” [14, л.73]. “Стахановское движение со всей силой поставило вопрос о широком переходе на индивидуальную сдельщину. Каждый стахановец ставил вопрос о

том, чтобы зарплата была организована так, чтобы он мог получить заработок по своему труду, а не работал на бригаду". По свидетельству Саркисова руководство всячески тормозило индивидуальную сдельщину как один из стимулов стахановского движения. Чтобы не распространять данный метод, который давал возможность рабочим заработать больше, власти повсеместно "сопротивлялись, саботировали его применение" [14, л.174].

С начала 1933 г. и до конца первого квартала 1937 г., то есть за время руководства в области Саркисова, удельный вес Донбасса в валовом продукте страны возрос с 5,3 % до 6,8 %. Не последнюю роль в этом сыграли усилившаяся эксплуатация рабочих на производстве и капиталовложения в промышленность региона, которые составляли 3,6 миллиардов рублей, в том числе в тяжелую индустрию – 2,5 миллиарда [17, л.32]. Благодаря этому добыча угля в 1934 г. составляла 53200 тысяч тонн, в 1935 – 59700 тысяч тонн, в 1936 – 66800 тысяч тонн. Выплавка стали возросла с 2,5 млн. в 1934 г. до 4 млн. тонн в 1936 г., выплавка чугуна соответственно – с 4 млн. тонн до 6,3 млн. тонн [17, л.36,41-42]. Размер бюджета области составлял в 1936 г. 206 млн. руб., а в 1937 г. – 681 млн. руб., увеличившись, таким образом, в три с половиной раза. Но эти показатели были достигнуты за счет изнашивания средств производства, в результате чего уже в 1937 г. Донбасс недовыполнил план на 10-15 %. В 1936 г. шахты области недодали стране 3900 тысяч тонн угля, а за 4 месяца 1937 г. – 2810 тысяч тонн. Металлургическая промышленность за 1 квартал 1937 г. недодала 144 тысячи тонн чугуна, 170 тысяч тонн стали и 64 тысячи тонн проката [19, л.43].

По указанию из Москвы Саркисов реализовывал на практике т.н. теорию концентрации горных работ. В результате закрывались нерентабельные шахты, 2-3 шахты объединялись в одну, закрывались пласты, замедлялось прохождение горно-капитальных работ. По свидетельству самого Саркисова по некоторым трестам: "Сталинуголь", "Куйбышевуголь", Донбассантрацит, Лисичануголь и по целому ряду шахт: "Американка", 17/17 им. Держинского линия забоев в 1936 г. сократилась по сравнению с 1935 г. на 50-60 %, что привело к сокращению добычи угля в них на половину [14, л.68]. По приказу Саркисова руководители угольных предприятий Антонцев, Зубков, Хачатурьянц, Попов всячески развивали т.н. "штурмовщину". Это достигалось путем прекращения или сокращения подготовительных работ в шахте (выдачи породы на гора, поддержания горных выработок в порядке). Сам Саркисов позднее признал вред такой практики: "На время такой "штурмовщины" достигался резкий эффект, резко поднималась добыча. Но ценой развала целого

ряда крупных шахт, уже в январе 1936 г. достигли такого положения на многих шахтах, что добыча стала катиться вниз” [14, л.67].

Нельзя сказать, что Саркисов не способствовал развитию социальной сферы и инфраструктуры области. По его инициативе рабочим были розданы земельные участки под индивидуальные огороды, что спрособствовало решению продовольственной проблемы. Массово прибывающим в Донбасс рабочим не хватало жилья, и по указанию Саркисова в городе для них строятся дома, так называемый “белый карьер” – сотни полужемлянок, выкопанных на склоне оврага. Всего в жилищное строительство было вложено 285 миллионов рублей, коммунальное хозяйство – 182 миллиона, культурно-бытовые учреждения – 180 тысяч, строительство лечебных учреждений – 165 миллионов [26, л.32]. Эти средства, главным образом, удерживались из зарплаты населения в виде государственного займа. Так, с 1931 по 1934 год у населения области было удержано из зарплаты 383 миллионы рублей [16, л.18]. В эти годы в Сталино были сооружены дома, которые украсили город. Это оперный театр, кинотеатр им. Т.Г. Шевченко, отель “Донбасс”, бывший Дом пионеров по улице Артема, торговый комплекс “Москва” и некоторые другие.

Только в Сталино в период правления Саркисова были открыты медицинский, индустриальный и педагогичный институты. Всего в 1934 г. насчитывалось 13 ВУЗов и 56 техникумов [27, л.55]. Но другой стороной медали были чистки, в результате которых в 1933 г. в Донецкой области был практически обновлен весь руководящий состав системы народного образования. 2 областная партийная конференция, которая проходила в январе 1934 г. объявила систему образования “фронтом острой классово́й борьбы” [28, л.79-80].

Несмотря на некоторые позитивные моменты, самым главным отрицательным последствием руководства Саркисова в Донецкой области были массовые аресты населения. Из общества изымались, прежде всего, представители элиты, активнейшая, инициативнейшая его часть, что значительно снизило интеллектуальный потенциал области. Людям арестованным, сосланным и физически уничтоженным не были нужны ни эти миллионы, ни рубли, ни новостройки, их жизнь была растоптана. И им все равно, по чьей вине – Саркисова или высшего руководства страны, чьи распоряжения он вынужден был выполнять. Деятельность Саркисова в памяти жителей Донбасса оставила больше трагического, чем принесла пользы.

Сам Саркисов продержался у руля власти до весны 1937 г. Предчувствуя свой близкий арест, он все более решительно унич-

тожал врагов, надеясь личной преданностью партии спасти свою карьеру и жизнь. Об этом страшном времени, когда один за другим исчезали ближайшие соратники и своим паническим страхом быть уничтоженным, Саркисов оставил наиболее яркие воспоминания: “Так, например, нам стало известно, что разоблачен троцкистско-зиновьевский антисоветский центр”. Сразу же он требовал “на собраниях физического уничтожения всех участников центра”. “Так как я получал материалы из НКВД, поэтому был в курсе, кто уже провалился и инициативу снятия с работы, исключения из партии и даже предложение об аресте я брал на себя”. “В этих же целях маскировки я поставил вопрос об исключении из партии Мамишвили и об аресте Гвахария. Эту маскировку мы проводили и по отношению к очень ответственным работникам. Когда стало известно, что Вайнов скрыл свое троцкистское прошлое, я взял инициативу на себя и поставил вопрос перед ЦК КП(б)У и ЦК ВКП(б) о снятии его с работы. Когда после разоблачения правых в Азово-Черноморском крае стало мне известно, что по показаниям проходит Иванов, я стал поднимать вопрос о снятии его с работы. К нашей тактике маскировки следует отнести т.н. “сигнализацию”. Мы и особенно лично я рассылал много докладных записок, чтобы в решительный и нужный момент сослаться на свою бдительность и на постановку этих вопросов”. “Наряду с этим, у нас (как и в других разоблаченных контрреволюционных троцкистско-фашистских организациях) практиковались искусственные выступления друг против друга, показывалась враждебность друг к другу”. “Хочу сообщить, что последние месяцы были исключительно направлены на самосохранение. Я стал физически ощущать то ужасное и неслышанное предательство, одним из участников которого был я. Одно время было желание рассказать о своих преступлениях партии, друзьям, верным делу Ленина-Сталина, либо покончить жизнь самоубийством. Но ни того, ни другого я не сделал. Взглянула вверх подлая мысль врага – “а может и не узнают” [14, л.91-93]. Но кольцо вокруг Саркисова сжималось. 28 апреля 1937 года в общем постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) было отмечено, что важнейшие хозяйства области работали хуже, чем в 1936 году. Особенно подчеркивалось невыполнение плана угледобычи. 24 мая 1937 г. на 1 пленуме Донецкого обкома партии Саркисов был уволен с должности первого секретаря, но оставлен в составе обкома и назначен директором комбината “Донецкуголь” [29, л.17].

7 июля 1937 года на имя начальника 4-го отдела Донецкого областного управления НКВД Соломона Исаковича Гольдмана был выписанный ордер на арест Саркисова. При обыске в его квартире

были изъяты револьвер, маузер, браунинг, 11 патронов к браунингу, облигации государственного займа, орден Ленина.

Следствие по обвинению Саркисова велось в Киеве, и этим можно объяснить тот факт, что постановление на его арест и удержание под стражей выписан в Киеве 17 июля 1937 года оперуполномоченным 4-го отдела управления госбезопасности НКВД УССР Фраимовичем по согласованию с начальником первого отделения четвертого отдела УГБ НКВД Борисовым и утвержден начальником четвертого отдела УГБ УНКВД Герзоном.

На первом этапе следствия Саркисов отрицал все обвинения. В своем обращении на имя Народного комиссара внутренних дел СССР Ежова от 16 июля он пишет: “Я хотел ссылками на отдельные положительные работы запутать следствие”. Так как сначала Саркисов отказывался признать свою вину, к нему, видимо, были применены недозволенные методы ведения следствия. Иначе добровольно он не стал бы писать собственноручное признание в том, что является одним из главных организаторов “контрреволюционной фашистской банды троцкистов”.

19 июля состоялся круглосуточный допрос Саркисова. В протоколе на 65 страницах Саркисов сознался в том, что был участником якобы существовавшей троцкистской организации, куда был завербован Зиновьевым и Пятаковым в 1920-х годах. Он дает отрицательные свидетельства на этих лиц, а также Троцкого, Каменева, Сокольников, Шляпникова.

Саркисов признал себя участником контрреволюционной троцкистской организации, в которую был завербован в 1933 г. заместителем наркома тяжелой промышленности Пятаковым. По свидетельству Саркисова, Пятаков поставил ему задание: “подорвать угольную промышленность, потушить кочегарку”, и для этого порекомендовал Саркисову “за завоевать доверие и авторитет, чтобы успешнее можно было проводить вредительскую и диверсионную работу”.

На допросе Саркисов дает подробные показания о своей “подрывной контрреволюционной работе”, которая заключалась в расстановке кадров троцкистов в Донбассе. Практически всех местных партийных руководителей он называет как участников антисоветской правотроцкистской организации, среди которых Шаев, Сергеев, Вайсберг, второй секретарь Донецкого обкома Холохленко, председатель областного исполкома Иванов, секретарь Краснодонского РПК Кохтенко, бывший секретарь Кадиевского горкома Козлов, секретарь Сталинского горкома Постоловский, секретарь горловского горкома Антонцев, секретарь Постышевского РПК Ко-

робченко, бывший секретарь Старобельского окружкома Воробьев, секретарь Краснолучского горкома Щелоков, секретарь Ровенецкого райкома Рубченко и многие другие.

Затем он подробно раскрывает свою “вредительскую диверсионную работу” в угольной промышленности, которая проявлялась “в форме саботажа стахановского движения, срыве подготовительных работ на шахтах, завалах горных выработок, “штурмовщине”, резком повышении норм выработки, закрытии нерентабельных шахт, сокращении капитальных вложений в новое шахтное строительство, нарушении правил технической безопасности и технической эксплуатации шахт, авариях с человеческими жертвами”.

Саркисов дает показания против руководителей металлургических заводов и шахт Донбасса, как уже арестованных: директора Макеевского металлургического завода им.Кирова) Гвахария, начальника треста “Макеевстрой” Мамишвили, так еще находившихся на свободе Гугеля (директор завода “Азовсталь”), Пучкова (директор металлургического завода г. Енакиево), Хачатурьянца, Антонцева, Попова, Высоцкого и других начальников шахтоуправлений. К участникам троцкистской организации он причисляет десятки руководителей и главных инженеров крупных промышленных предприятий и шахтоуправлений. Причем, некоторые из них были участниками Шахтинского процесса.

Следствие по его делу проводилось в июле-августе 1937 года. В предъявленном Саркисову обвинительном заключении от 31 августа 1937 г. значилось, что он “являлся активным участником контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации, осуществившей 1 декабря 1934 г. злодейское убийство Кирова и подготавливающей террористические акты против руководителей партии и правительства. Руководя в Донбассе широко разветвленной троцкистской вредительской и диверсионной организацией, проводил вредительские и диверсионные акты с человеческими жертвами в угольной промышленности Донбасса. Информирован о связях контрреволюционной организации с фашистскими правительственными кругами, а также одобрял террористические и пораженческие установки контрреволюционной организации”.

В сентябре в Киеве состоялось судебное заседание выездной сессии военной коллегии Верховного суда СССР, на котором Саркисов признал себя виновным по всем пунктам обвинения. В последнем слове на суде он признал, что заслуживает самой суровой крайней меры наказания. Его осудили к высшей мере уголовного

наказания – расстрелу с конфискацией имущества. Приговор привели в исполнение в Киеве 2 сентября 1937 г. [14, л.28-251].

Такая же участь постигла председателя областного исполкома Н.Г. Иванова, который был арестован 9 июля и расстрелян 21 сентября, второго секретаря обкома А.У. Холохоленко и многих других, которые покорно приняли обвинение в руководстве якобы существовавшей в Донбассе “вредительской диверсионной организацией троцкистов, правых и националистов” [30, с.50].

Жена Саркисова Бар’ян-Ахназарова Евгения Мартыновна была арестована вместе с мужем. 4 ноября 1937 г. Особым совещанием она была осуждена к 8 годам заключения за активное участие в контрреволюционной группе, которая действовала на Донецком металлургическом заводе и за прикрытие контрреволюционной деятельности мужа. Она освободилась из лагерей в 1944 г. После смерти Сталина в 1955 году по решению Военной коллегии Верховного Суда СССР была она была реабилитирована. А в 1956 г. она добилась реабилитации своего мужа Саркисова (Даниельяна) Саркиса Артемовича.

Сразу же после освобождения Евгения Мартыновна начала добиваться выплаты ей компенсации за конфискованное имущество. Хотя в приговоре Саркисова имеется решение о конфискации имущества, в деле отсутствует документ, который бы подтверждал его выполнение. Его супруга к списку конфискованного имущества внесла столовый и чайный сервизы, серебряные позолоченные рюмки, блюда, хрустальную посуду и прочее. Не забыла она и о двух парах носков, носовых платочках и даже ремешке к часам. Продемонстрировав таким образом свою мелочность, она получила компенсацию от государства в сумме 23699 рублей 57 копеек. Именно в такую сумму оценила советская система жизнь мужа Евгении Мартыновны, и страдания ее самой.

Управление Саркисова Донецкой областью в 1933-1937 гг. имело, как позитивные, так и негативные последствия. Воспитанник сталинской партийной школы, представитель своего времени он был наделен чертами жестокого администратора, воплощавшего в жизнь ценой неимоверной эксплуатации трудящихся сталинские партийные и хозяйственные решения. Для него достижение цели и продвижение по партийной лестнице оправдывало все средства. Изворотливый и исполнительный до цинизма партийный функционер, с легкостью раскрывал врагов в своем окружении до тех пор, пока очередь не дошла до него самого. Одновременно Саркисова можно назвать и жертвой, козлом отпущения советской

системы, на которого в нужный период центральное руководство свалило провалы сталинской политики индустриализации.

Преемником Саркисова на посту первого лица области стал латыш по национальности Эдуард Карлович Прамнэк, который до этого был первым секретарем Горьковского крайкома ВКП(б). В мае 1937 г. Прамнэк приступил к выполнению обязанностей первого секретаря Донецкого обкома КП(б)У. Он продержался на этой должности менее года, и его постигла та же участь, что и предшественника. В январе 1938 г. Прамнэк был вызван в Москву, где и был арестован 9 мая 1938 г. 29 июля 1938 г. он был осужден и приговорен к расстрелу Военной коллегией Верховного Суда СССР по обвинению в создании контрреволюционной организации. Приговор приведен в исполнение 29 июля 1938 г. Прамнэк Эдуард Карлович был реабилитирован определением Военной коллегии Верховного суда СССР 14 марта 1956 г. [31, с.309].

8 апреля 1938 г. был арестован во время VI пленума Донецкого обкома партии, а затем расстрелян 2 секретарь Донецкого обкома И.Н. Пиндюр. Его арест связан с приездом в Сталино первого секретаря КП(б)У Н.С. Хрущева, который принял активнейшее участие в разгроме Донецкого обкома партии. Поводом послужило промедление с арестом группы руководящих работников, на которых в ЦК КП(б)У поступили копрометирующие материалы. Э.К. Прамнэк считал, что факты нужно проверять. Поскольку Прамнэка уже не было, весь огонь критики был направлен на Н.С. Хрущева против Пиндюра: “Мы сами хотели там [ЦК КП(б)У – прим. автора] дать санкцию на арест, потом думаем – решайте сами и так вам сказали. Начальнику НКВД Чистову было сказано об этом по линии НКВД т. Успенским. Чистов приходит к Вам, а Вы говорите – знаете, да понимаете, да надо еще расследовать, а враги действовали” [32, л.38].

Таким образом, в годы массового террора партийные работники Донецкого обкома стали заложниками созданной советским тоталитарным государством карательной системы, которая мобилизовала их на уничтожение врагов, и, замавав их участием в массовых репрессиях, низвергала их до уровня таких же врагов.

Источники и литература

1. Реабилитация: Политические процессы 30-50-х годов. – М., 1991.
2. Шаповал Ю.І. Україна 20-50-х років: сторінки ненаписаної історії. – К., 1993.
3. Пристайко В., Шаповал Ю. Справа “Спілки визволення України: невідомі документи і матеріали. – К., 1995.
4. Нікольський В. “Резонансні справи” Державного політичного управління УСРР (1921-1934 рр.) // Нові сторінки історії Донбасу. Статті. Книга 8. – Донецьк, 2000.

5. Никольский В. Дело “Промпартии” в Донбассе // Изучение истории Украины в учебных заведениях. Тезисы докладов и сообщений региональной научно-практической конференции.- Донецк, 1995.
6. Никольський В. “Осколки” шахтинської справи // Правда через роки... Статті, спогади, документи. – Донецьк, 1995.
7. Бут. А.Н., Добров П.В. “Экономическая контрреволюция” в Украине в 20-30-е годы XX века: от новых источников к новому осмыслению. – Донецк, 2000 (второе издание – 2002 р.).
8. Бут О.М., Бут О.О. Будьонівські вороги (Донбас): міфи та дійсність // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. – 1997. – № 1/2.
9. Бут О.М., Бут О.О. “Буденновское дело”: мифы и действительность // Правда через годы. Статьи, воспоминания, документы. – Выпуск второй. – Донецк, 1998.
10. Лихолобова З.Г. Долі командирів індустрії в тридцяті роки // Реабілітовані історією. У двадцяти семи томах: Донецька область. Книга перша. – Донецьк, 2004.
11. Нікольський В.М. Репресивна діяльність органів державної безпеки СРСР в Україні (кінець 1920-х – 1950-ті рр.). Історико-статистичне дослідження. – Донецк, 2003.
12. Архив временного хранения документов УСБУ в Донецкой области. – Д. 4600-2ф, 5412-2ф, 5622-2ф, 6245-2ф, 6248-2ф, 6261-2ф, 6362-пф, 34044-пф.
13. Архив временного хранения документов УСБУ в Донецкой области. – Д. 6261-2ф. – Т. 1.
14. Архив временного хранения документов УСБУ в Донецкой области. – Д.6362-пф. – Т. 1.
15. Государственный архив Донецкой области (далее ГАДО). – Ф. 326. – Оп. 1. – Д. 873.
16. ГАДО. – Ф. 326. – Оп. 1. – Д. 150.
17. ГАДО. – Ф. 326. – Оп. 1. – Д. 841.
18. ГАДО. – Ф. 326. – Оп. 1. – Д. 511.
19. ГАДО. – Ф. 326. – Оп. 1. – Д. 843.
20. Стаханов А.Г. Жизнь шахтерская. – К., 1975.
21. ГАДО. – Ф. 326. – Оп. 1. – Д. 314.
22. “Социалистический Донбасс” (Сталино). – 1935 – 11 сент.
23. “Правда”. – 1935. – 11 сент.
24. ГАДО. – Ф. 326. – Оп. 1. – Д. 398.
25. Архив временного хранения документов УСБУ в Донецкой области. – Д. 6239-2ф. – Т. 1.
26. ГАДО. – Ф. 326. – Оп. 1. – Д. 842.
27. ГАДО. – Ф. 326. – Оп. 1. – Д. 148.
28. ГАДО. – Ф. 326. – Оп. 1. – Д. 144.
29. ГАДО. – Ф. 326. – Оп. 1. – Д. 871.
30. Лихолобова З.Г. 1936-1938 годы // Правда через годы. Статьи, воспоминания, документы. – Выпуск пятый. – Донецк, 2001.
31. Реабілітовані історією: У 27 т. – Донецька область. Книга перша. – Донецьк, 2004.
32. ГАДО. – Ф. 326. – Оп. 1. – Д. 1097.

Summary

In article are considered the political processes which have been carried out against party elite of Donetsk area within the Large terror on the basis of archival materials and publications of a periodic seal.

Р. Ю. Подкур

ДЕЯКІ СТЕРЕОТИПИ СВІТОГЛЯДУ ЧЕКІСТІВ ПІД ЧАС "ВЕЛИКОГО ТЕРОРУ" (1937-1938 РР.)

Незалежність України, утверджена після розпаду радянської імперії на початку 1990-х рр., спричинила трансформацію свідомості у політичної та інтелектуальної еліти, населення, поставила на порядок денний проблему самоідентифікації. Базовим елементом процесу стала ліквідація ідеологічних обмежень в історичних дослідженнях.

Національна історична наука мала на меті довести свою самостійність і спроможність проводити наукові розробки, які не обмежувалися прокрустовим ложем класової ідеології. В радянський період історія України інтерпретувалася як регіональний варіант російської історії, де головною темою було вивчення "віковичних прагнень українців до дружби з великим російським народом".

Всі події і постаті української історії, що не вкладалися у подану схему, підлягали нещадному осудженню. Так, довгі роки замовчування проблеми створення функціонування системи політичного контролю за громадянами СРСР, переслідування інакомислячих призвели до її політизації та актуалізації як наукової проблеми. Дослідження політичних репресій/переслідувань стало однією із соціально значущих проблем.

Політичні репресії, що застосовувалися більшовицьким керівництвом в Україні, мали специфічну спрямованість – проти "українського сепаратизму" та його потенційних ідейних керівників – української інтелігенції. Більшість її не поділяла політику Москви в Україні, критично ставилися до подій, що відбувалися в СРСР. У численних зведеннях ДПУ містяться висловлювання інженерів, економістів, вчених, які пророкували економічні невдачі, негативно відносились до конфіскацій хліба тощо.

Відоме ставлення вищого партійно-державного керівництва СРСР до України як "петлюрівської" та "повстанської" території. Сталін в листі до Л. Кагановича від 11 вересня 1932 р. писав: "Справа на Україні погані. [...] Погано за лінією ГПУ. Реденсу [тоді голова